

УДК 9

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.3.109.120>**Б.С. ЖУКОВ: ВЗГЛЯД ИЗ СЕМЬИ**

©2023 г. А.П. Сергиевская

Воспоминания А.П. Сергиевской, внучки Б.С. Жукова, связаны с историей ее семьи с глубокими корнями и богатыми традициями. В контексте семейной хроники показаны факты личной и научной биографии Бориса Сергеевича. Подробно рассказывается о дореволюционном периоде его жизни в Нижнем Новгороде, о том, как проходило формирование научных увлечений и интересов. Рассматривается московский период, наполненный интенсивной работой на кафедре антропологии МГУ, в НИИ и Музее антропологии и связанный с лишениями первых послереволюционных лет. Воспоминания дают представление о многогранных талантах Б.С. Жукова, которые проявились не только в науке, но и в его музыкальных и литературных увлечениях. Важны сведения о последних годах жизни ученого, обстоятельствах его ареста, ссылки и кончины. Статья иллюстрирована выдержками из писем и документов из семейного архива, а также фотографиями.

Ключевые слова: археология, история науки, Б.С. Жуков, воспоминания, семейный архив, Нижний Новгород, Институт и Музей антропологии, репрессии.

B.S. ZHUKOV: FAMILY MEMOIRS

A.P. Sergievskaya

The memoirs of A.P. Sergievskaya, B.S. Zhukov's granddaughter, are related to the history of her family with deep roots and rich traditions. In the context of the family chronicle, Boris Sergeyevich's personal and scientific biography is presented. It tells in detail about the pre-revolutionary period of his life in Nizhny Novgorod and the formation of his scientific hobbies and interests. The author considers his Moscow period that was full of intensive work at the department of anthropology of Moscow State University, at the Scientific Research Institute and the Museum of Anthropology and was associated with the hardships of the first post-revolutionary years. Memories give an idea of the versatile talents of B.S. Zhukov that became apparent not only in science, but also in his musical and literary hobbies. Information about the last years of the scientist's life, the circumstances of his arrest, exile and death is also important. The article is illustrated with extracts from letters and documents from the family archive, as well as photos.

Keywords: archaeology, history of science, B.S. Zhukov, memoirs, family archive, Nizhny Novgorod, Institute and Museum of Anthropology, repression.

Мне не пришлось лично познакомиться с моим дедом Б.С. Жуковым, он умер за 13 лет до моего рождения, но я выросла в семье Жуковых, состоявшей из женщин четырех поколений: матери, жены, дочери и меня, внучки Бориса Сергеевича. В результате катаклизмов, потрясших нашу страну за период с 10-х до 50-х годов прошлого века (революция, Гражданская война, репрессии, Великая Отечественная война), в доме не осталось мужчин. Так мы и жили в женском царстве, идеальными героями которого были мой «Дедушка Боря», как было принято его называть, и мой дядя Алик, младший сын покойного. Правда, дядя Алик представал передо мной в основном в образе идеального мальчика и юноши, талантливого, послушного, целеустремленного. Он немного успел за отпущенные ему 18 лет, пропав без вести на Сталинградском

фронте в 1942 году. Дед тоже прожил недолго, всего 40 лет, но память о себе оставил долгую, прочную, отражающую все грани его уникальной натуры. Осталось довольно много документов, писем и фотографий, хотя многое и пропало. Остались воспоминания близких и дальних родственников, которых в нашей семье было много, и каждый помнил деда по-своему. Все это помогает сформировать образ Бориса Сергеевича, которому в декабре 2022 г. исполнилось бы 130 лет, а в мае 2023 будет 90 лет со дня его безвременной кончины.

В мою задачу не входит писать о Б.С. Жукове как о выдающемся ученом, это дело специалистов. А вот о Борисе Сергеевиче как человеке, его личности, характере, его разносторонних интересах, дарованиях, о нем как о сыне, муже и отце попробую рассказать.

Рис. 1. Родители Б.С.Жукова – Сергей Иванович и Людмила Матвеевна.

Fig. 1. B.S.Zhukov's parents – Sergey Ivanovich and Lyudmila Matveevna.

Борис Сергеевич Жуков родился 1 декабря (18 ноября ст. ст.) 1892 г., о чем в Метрической книге Одигитриевской церкви Нижнего Новгорода сделана соответствующая запись. Семья, в которой он родился, была очень незаурядной. Отец его, Сергей Иванович Жуков, был издателем газеты «Волгарь», одной из крупнейших в Поволжье (рис. 1; 2).

Основал газету его отец Иван Александрович, родом из рыбинских хлеботорговцев (рис. 3). Он имел явные литературные наклонности, начал с публикации статей в различных изданиях, а затем основал собственную газету, став, таким образом, пионером поволжской частной прессы.

Сначала она издавалась в Рыбинске как «Рыбинский биржевой листок», в 1875 году был переезд в Нижний Новгород и приобретение собственной типографии. Газета стала называться «Нижегородский биржевой листок». В 1891 году И.А. Жуков скончался и газету унаследовал его сын Сергей, который дал газете более звучное имя «Волгарь». Газета стала очень популярной в Поволжье, ее тираж превышал 6000 экземпляров. Она содержала самые разнообразные материалы: официальную информацию, российские и

заграничные новости, политические статьи, фельетоны, печатались литературные произведения с продолжением, освещались театр, музыка, скачки, публиковались различные объявления и рекламы. Именно в «Волгаре» были впервые напечатаны несколько ранних рассказов Алексея Пешкова (Максима Горького), в частности рассказ «Дед Архип и Ленька». Автор обратился в газету будучи в крайней нужде, после того как ему отказали в других издательствах. Об этом имеются семейные воспоминания.

С.И. Жуков вел разностороннюю общественную деятельность: он состоял в оживленной переписке с видным деятелем и исследователем Нижегородского края А.С. Гациским (письма сохранились), несколько сроков подряд избирался гласным Городской Думы, много занимался благотворительностью по примеру своего тестя М.Е. Башкирова, в семью которого он вошел после женитьбы в 1869 году на его старшей дочери Людмиле Матвеевне. Именно семья Башкировых оказала влияние на всю дальнейшую судьбу Бориса Сергеевича, единственного сына Сергея Ивановича и его жены.

Матвей Емельянович Башкиров, сын основателя торгового дома «Емельян Башкиров и сыновья» был известнейшим нижегородским предпринимателем, хлебопромышленником,

Рис. 2. Борис-гимназист с отцом и бабушкой.
Fig. 2. Boris is a gymnasium pupil with his father and grandmother/

Рис. 3. Иван Александрович Жуков.

Рис. 3. Ivan Aleksandrovich Zhukov.

меценатом и благотворителем (рис. 4). Трех братьям Башкировым, Николаю, Якову и Емельяну, принадлежали крупнейшие паровые мельницы в Поволжье, многочисленный грузовой флот, фабрики и земельные угодья. Они являлись поставщиками Императорского двора, вели обширную торговлю с заграницей через свое представительство и хлебную биржу в Санкт-Петербурге, где имели крупную недвижимость. Много недвижимости также было в Нижнем Новгороде, Самаре и Москве. У Матвея Емельяновича была большая семья: три сына и шесть дочерей. Для каждого из них он построил дома в Нижнем Новгороде, также было приобретено имение «Зименки» неподалеку от одноименной деревни в 20 км вниз по течению Волги на высоком обрывистом берегу. Имение первоначально принадлежало князьям Дадиани, затем графам Шереметевым, но обширная территория находилась в упадке. М.Е. Башкиров привел ее в порядок и построил кроме главного дома еще дома для всех детей, причем для Сергея Ивановича с семьей была выделена отдельная большая территория, называвшаяся «Жуковка». Жители соседних деревень до сих пор так называют это место.

Борис, как уже упоминалось, был единственным ребенком, что являлось исключением для семьи: у других отпрысков Матвея Емельяновича было по несколько детей.

Таким образом, сын рос в уникальных условиях, ему досталась вся родительская любовь и забота. Казалось бы, выросший в таких условиях ребенок должен был быть эгоистичным и избалованным сыночком богатых родителей. Однако ничего подобного не произошло. Наоборот, Борис был воспитан в строгости, уважении к старшим, был приучен к порядку и дисциплине. Здесь, наверное, сочетались изначальные черты характера, присущие его натуре, и старания воспитателей, прежде всего матери, Людмилы Матвеевны.

Она была женщиной незаурядной. Высшее образование ей получить не удалось, т. к. в то время в Нижнем Новгороде отсутствовали высшие учебные заведения, так же как и традиция давать высшее образование девушкам. Поэтому она получила только среднее образование, окончив Нижегородскую Мариинскую гимназию. У нее были прекрасные математические способности, была очень начитана, чему, конечно, способствовала издательская деятельность ее мужа, имела широкий кругозор. У нее был явный педагогический талант, который она применяла, занимаясь с сыном, а потом с внуками, решала с ними математические задачи любой сложности. Со мной решать задачи она не успела, умерла за год до того, как я пошла в школу, но

Рис. 4. Матвей Емельянович Башкиров.

Fig. 4. Matvey Emelyanovich Bashkirov.

успела научить меня читать в 4 года, причем как-то ненавязчиво и незаметно и как-то очень быстро. Никто в семье не верил, что я действительно могу читать как взрослая, меня проверяли, заставляли читать вслух серьезные книги, так как думали, что свои детские я знаю наизусть. Людмила Матвеевна прожила в нашей семье до самой смерти в 1953 году, ей было 83 года, так что я ее помню уже очень пожилой. Но еще за несколько лет до смерти, пока была в силах, она ходила в библиотеку в Парк Горького через Крымский мост (мы жили на Zubовском бульваре), несмотря на то, что дома была богатейшая библиотека: все книги были уже давно прочитаны. Очков не носила принципиально. Внимательно читала все доступные газеты, правда иногда с лупой, и слушала радио из черной тарелки.

В имении Башкировых Людмила Матвеевна как старшая дочь пользовалась непререкаемым авторитетом. Ее отец, Матвей Емельянович, рано овдовел, и она была старшей дамой обширного семейства. В имении всегда собиралось много гостей. Людмила Матвеевна проявляла свои явные организаторские таланты в устройстве различных приемов. Ее салон посещали практически все именитые нижегородцы с весны до осени. Из Нижнего до пристани у Зименской горы ходил свой пароход «Матвей Башкиров», на котором прибывали и отправлялись домой гости. Приезжали разные знаменитости, такие как Ф.И. Шаляпин, ставший уже известным Максим Горький и другие известные люди. Прабабушка была великая картежница. Кроме известных (винт, преферанс) играли в такие игры, названия которых я ни от кого, кроме нее, не слышала. Она также знала невероятное количество пасьянсов, теперь совершенно неизвестных. В Москве, уже по моим детским воспоминаниям, к ней приезжали наши знакомые, чтобы научиться их раскладывать. Меня она тоже научила играть в карты и раскладывать пасьянсы в раннем возрасте. У нее, как и у моей бабушки, была редкая сила духа. Она сумела сохранить любовь к жизни и трезвый ум, несмотря на все случившиеся в ее жизни катастрофы, в которых она потеряла все: любимых людей – отца, мужа, сына и любимого внука – и весь прошлый образ жизни главной дамы обширного и богатого семейства.

Воспитываясь в этом семействе, Борис

Сергеевич получил начальное образование с боннами и домашними учителями из лучших учебных заведений города: иностранные языки, музыка, пение, рисование, подготовка к гимназическому курсу. Затем учеба в Нижегородском Дворянском институте им. Александра II, который он окончил с золотой медалью. Здание Института находится в центре Нижнего Новгорода на ул. Варварка. Сейчас в нем Нижегородская городская библиотека. До сих пор на стенах главного зала сохранились медальоны с написанными золотом именами отличников, среди которых и Борис Жуков.

Интерес к науке, и в частности к археологии, стал проявляться у Бориса Сергеевича достаточно рано. Как уже упоминалось, имение Башкировых стоит на высоком берегу Волги, и вся эта сторона, начиная от Нижнего Новгорода и дальше вниз по течению, изрыта многочисленными ключами. Часто случаются оползни, иногда катастрофические. Даже некоторые постройки в имении, расположенные слишком близко к обрыву, не избежали этой участи. С раннего детства Борис в компании своих многочисленных сверстников из семьи бродили по этим осыпавшимся склонам, находили и собирали так называемые «чертовы пальцы» – белемниты и различные предметы материальной культуры. Из них составлялись коллекции, приглашались для консультации учителя.

Как раз в это время в Нижнем Новгороде работал выдающийся русский археолог, сотрудник Российского Исторического музея В.А. Городцов. Он приехал на Волгу с целью изучения коллекций Нижегородского музея. В это время начали активно исследоваться окрестные археологические памятники, например, артефакты, случайно обнаруженные в районе прокладки железнодорожной ветки в районе станции Сейма. Борис Сергеевич живо интересовался этими изысканиями, установил контакт с Городцовым и, как рассказывали его мать и жена, уже с 16 лет начал принимать участие в раскопках, провел первые полевые работы, обследовав Балахинскую неолитическую стоянку. Так был сделан выбор профессии, и в 1910 году Борис Сергеевич Жуков успешно выдержал экзамен и был зачислен в студенты естественного отделения физико-математического факультета Московского университета. Его способности были сразу же замечены, и куратором

Рис. 5. Б.С. Жуков-студент с родителями.
Fig. 5. B.S. Zhukov—student with parents.

его стал профессор Д.Н. Анучин, что предопределило повышенный интерес деда не только к археологии, но также к антропологии и этнографии. Учеба продолжалась долгих семь лет, т. к. шла одновременно с многочисленными экспедициями. Раскопки велись в основном на Волжско-Окской равнине, что давало Борису Сергеевичу возможность общаться с близкими и привлекать их к участию в этой работе.

Учась в Москве, дед жил сначала у родственников, в доме своей тетки в Олсуфьевском переулке, ближе к концу учебы переехал на Басманную, 31, в особняк, построенный Матвеем Емельяновичем специально для приезжающих на учебу внуков. В вестибюле дома висела мраморная доска с надписью золотыми буквами «На благо просвещения внуков». Рядом вырос большой доходный дом, также принадлежавший М.Е. Башкирову. Оба дома сохранились до сих пор, правда, особняк надстроен на три этажа.

Живя в Москве, Борис Сергеевич поддерживал тесную связь с семьей. Переписка с родителями была регулярной и оживленной (рис. 5). Обсуждались любые темы: семья, учеба, погода и природа (дед невероятно

любил природу и практически в каждом письме рассказывал, как распускаются деревья, какие расцветают цветы или, наоборот, как постепенно наступает осень, как желтеют листья и портится погода). Он был глубоким знатоком растений и насекомых и позже приучал своих детей собирать гербарии, коллекции бабочек и т. д. Зная, что дома в Нижнем и Зименках есть великолепные сады, он специально заказывал семена и растения в московских питомниках и возил их в Нижний (рис. 6). Не чурались в письмах и обсуждения политических событий, тем более что это был канун, а затем и начало Первой мировой войны.

Приведу некоторые выдержки из переписки тех лет. Вот забавный ответ отца Борису на его просьбу о покупке мотоцикла (12.04.1912, Борису 19 лет): «Милый Боря! Твое желание я выполнил: мотоциклет смотрел, мне его выкатили, прочитав твою записку. Стоимость его 515 руб. (подчеркнуто и выделено)! Продавец говорит: «уступлю 15 руб.». Мое мнение: даром не брать эту забаву! Конструкция сложная. Аппарат потребует идеальной аккуратности обращения, иначе будет пребывать столько же у тебя, сколько и в починке. Кроме того — замена частей — это прямо разорение для тебя. Например, сменить одну шину — будет

Рис. 6. Вверх по оползню. Первый Б.С. Жуков, последняя его жена Татьяна Николаевна.

Fig. 6. Up the landslide. The first is B.S. Zhukov, the last — his wife Tatyana Nikolaevna.

стоить с лишком 20 рублей. Вот мое мнение, а ты думай, как подсказывает твой рассудок. Твой отец». (Жаль, современная клавиатура не дает возможности передать всю старую орфографию и пунктуацию!) Судя по всему, мотоцикл куплен не был, т. к. никаких упоминаний о нем в семье не сохранилось.

А вот другие темы: из переписки видно, что Борис Сергеевич, учась в университете, активно сотрудничал с газетой «Волгарь», писал рецензии на публикуемые литературные произведения. Из письма 02.02.1916: «Посылаю очередную рецензию. Последняя рецензия моя на книгу Л. Серовой «Елена Древи» почему-то не вышла, не потерялась ли она?». В это время Борис и сам активно печатался в «Волгаре» под псевдонимом Борис Зименский. Сохранились его рассказы на разные темы за период 1915–1916 гг.: «Ивушка» о слепом мальчике, «Кривой жених» из охотничьих рассказов (дед был заядлым охотником), «Пробуждение» о раненом на войне солдате. Писал он и театральные пьесы, о чем несколько ниже. Встречаются в письмах того периода постоянные упоминания об уроках музыки, которые Борис Сергеевич брал регулярно, совершенствуя свое мастерство. Политики тоже не чурались. Из письма от 16.02.1916: «Папа, ты, кажется, очень оптимистично смотришь на посещение Царем Думы? В первый день мне тоже казалось так. Но потом, учитывая общее настроение правительства, мне стало ясно, что это одна декорация, что реальных результатов оно иметь не будет, и это тем более вероятно, что сегодня, например, появилось известие, что отныне все отчеты о Думе будут печататься лишь в редакции Петроградского агентства, которое, как известно, передает все очень односторонне. Получается одна насмешка над Государственной Думой, которую обставили таким образом: ей дана полная свобода говорить что угодно, обсуждать какие угодно вопросы, результатов от этих обсуждений не будет никаких, т. к. Госсовет кладет свою тяжелую руку на все начинания, поэтому и само посещение Думы Царем является теперь не более и не менее как страница, правда светлая и красивая, из русской истории, мелькнувшая и отошедшая далеко от действительности». Написано за год до Февральской революции.

Одновременно назревало и другое важнейшее событие в жизни Бориса Сергеевича,

о котором надо рассказать особо. Как уже упоминалось, все младшие отпрыски обширного семейства (внуки М.Е. Башкирова) тесно общались друг с другом, особенно в теплое время года, когда жили в Зименках, они росли вместе с раннего детства. Разница в возрасте была не очень большая. Поездки на лодках за Волгу в луга, прогулки по лесопарку, окружавшему имение, катание на велосипедах, игра в теннис и крокет, домашние спектакли – все это сближало молодых людей, которые приходились друг другу двоюродными братьями и сестрами. Очень популярны были домашние спектакли. Здесь в полной мере проявились разносторонние художественные наклонности деда. Он сам писал пьесы в стихах и прозе, сам их ставил, делал эскизы декораций. К устройству домашнего театра подошли со всей серьезностью. Родители помогали: мать, используя свои недюжинные организаторские способности, которые позже пригодились совсем в иных обстоятельствах, снабжала всем необходимым для постановок, отец печатал в типографии тексты пьес и афиши. В спектаклях, а ставились также и отрывки из классических пьес, принимали участие члены семьи, а также многочисленные друзья, постоянно гостившие в имении. Бывали и музыкальные вечера, где исполнялись отрывки из опер и романсы.

Борис Сергеевич обладал прекрасным баритоном и посещавший имение Ф.И. Шаляпин очень его хвалил и советовал не зарывать свой талант. Конечно, такие близкие контакты между молодыми людьми иногда имели вполне ожидаемые результаты. Поэтому неудивительно, что вспыхнуло чувство между Борисом Сергеевичем и его двоюродной сестрой Татьяной, дочерью старшего сына Матвея Емельяновича, Николая Матвеевича. Татьяна Николаевна, ученица Мариинского Института благородных девиц, изумительная красавица, была младше деда на три года (рис. 7).

Видя развивающийся на их глазах роман, родственники пытались принять меры. Для начала решили развести молодых людей подальше друг от друга. Было предпринято длительное заграничное путешествие: Николай Матвеевич увез дочь в Египет, а затем в Европу. В Египте возникли определенные трудности, т. к. красавицу Татьяну попытались украсть в гарем местного царька. Все окончилось благополучно, однако по возвра-

Рис. 7. Т.Н. Башкирова (Жукова) –
ученица института благородных девиц.
Fig. 7. T.N. Bashkirova (Zhukova) –
a student of the Institute for noble maidens.

щении оказалось, что ничего не изменилось, и молодые люди по-прежнему хотят быть вместе. Роман продолжился. Переживания Борис отразил в своих стихах. Он обладал большим поэтическим даром. Сохранились тетради его неизданных стихов с 1916 по начало 1920-х годов. Более ранние не сохранились, хотя их названия присутствуют в оглавлении тетрадки, написанном от руки. Видны следы вырванных страниц. Неизвестно, кто их уничтожил. Думаю, что бабушка не хотела, чтобы кто-нибудь читал стихи влюбленного юноши, кроме нее. Также, судя по названиям, там были стихи религиозного и монархического содержания. Лирические стихи написаны в основном в духе поэтов Серебряного века. Есть также подражания былинному стилю, сказки, пьесы, пародии. Вот, например, из лирики:

Элегия

*Лунные блики... лунные тени...
Чутко склоненные ветви сирени...
Как ароматна весна!*

*Если ты грезишь, влюбленный, тревожный,
Если томимся мечтой невозможной, –
Ты не уснешь у окна.*

*Звуки ночные... звуки как шепот...
Призраков лунных таинственный ропот...
С ними трепещет душа...*

*Ищешь ответа во взоре, в улыбке?
Слушай, как ветер скитается зыбкий!
Лунная ночь хороша!*

(1916)

Признание

*И снова и опять душа полна тобой!
Как будто в первый раз она воспламенилась,
Как будто никогда так звонко не струилась
О счастье струнном песнь ликующей волной!*

*В небесной синеве ни облачка вокруг,
А море – зеркало, забывшее о грозах...
Как пламенна весна на этих пышных розах!
Как я люблю тебя, мой светлый нежный друг!*

(1916)

Возница

*Стук да стук, – плетется лошадь
По разбитой мостовой...
«Дед проснись, ведь нам не близко,
Шевели вожжжой!»*

*Но возница равнодушно
Словно каменный сидит.
А понуря лошадка
най, трусит, трусит...*

*«Эй, голубчик, надоело!
Сделай милость, понукай!»
«Не гони, седок, поспеешь,
Дом тебе не рай!»*

*Кабы знать, куда приедешь,
С кем окончишь путь,
Где придется после тряски
Отдохнуть, уснуть,*

*Мы б с тобой тогда, товарищ,
Понеслись, пожалуй, вскачь!
Только, ждущим лучшей доли,
Время – злой палач!»*

*Стук да стук, трусит лошадка
По разбитой мостовой...
Вещий старец усмехнулся –
Шутит он с тобой!*

(1916)

Стихи других жанров не позволяет цитировать ограниченный размер статьи.

Тем временем, после долгих уговоров, закончившихся ничем, молодые люди, наконец, получили разрешение на свадьбу при выполнении двух условий. Во-первых, в случае родственного брака необходимо было

Рис. 8. Татьяна Николаевна и Борис Сергеевич в год свадьбы (1917)

Fig. 8. Tatyana Nikolaevna and Boris Sergeevich in their wedding year (1917)

получить разрешение Священного Синода. Во-вторых, Борис должен окончить Университет и определиться с дальнейшей службой.

Но приближались роковые события. Уже шла Первая мировая война. Семейство принимало активное участие в помощи армии. Делались крупные пожертвования, сдавали даже наградные золотые медали, участвовали в формировании санитарных поездов. М.Е. Башкиров сделал решающий вклад (500 000 руб.) в организацию перевода из Варшавы в Нижний Новгород Политехнического института им. Императора Николая II, тем самым заложив основу в развитие высшего образования в городе, т. к. до этого высших учебных заведений в нем не было. Решили также создать лазарет для раненых воинов. Торговый Дом Башкировых выделил средства. Деятельная Людмила Матвеевна стала патронессой заведения. Организовали лазарет на двух площадках – в соседнем селе Безводное и в Зименках. Оборудовались палаты, приобреталось все необходимое. Чтобы иметь право профессионально ухаживать за ранеными, несколько младших Башкировых, включая Татьяну Николаевну и Бориса Сергеевича (по матери он Башкиров), поступили на медицинские курсы, окончив которые получили право проводить необходимые медицинские процедуры. Эти навыки потом очень пригодились Борису Сергеевичу в других, гораздо более печальных обстоятельствах, а Татьяна Николаевна приняла решение получить профессию врача.

1917 год стал переломным как в жизни

страны в целом, так и в жизни семьи Жуковых-Башкировых. Весной 1917-го Борис Сергеевич окончил университет с дипломом I степени и был оставлен при кафедре антропологии для подготовки к профессорскому званию, а незадолго до этого, в январе, как только было получено разрешение из Синода, родители благословили юную пару. Венчание состоялось в Гавриило-Архангельском храме при Московском почтамте (рис. 8).

Первое время молодые жили в доме на Басманной, но это продолжалось недолго. Наступил октябрь. Дом очень быстро реквизируют. Пришлось опять переезжать в Олсуфьевский к родственникам, которые сами бедствовали. Началась совершенно другая жизнь. Она кардинально отличалась от прежней. Надо было учиться выживать. Пайки были скудные. Денег очень мало. Борис Сергеевич учился в аспирантуре. Постоянные выезды «в поле» материальных средств не приносили, хотя отнимали много времени. Эти годы были самыми тяжелыми. Татьяна Николаевна ждала первого ребенка. Чтобы как-то прокормить семью, Борис Сергеевич преподавал в средней школе, читал популярные лекции. В это время была создана Комиссия по улучшению быта ученых (Цекубу). С ее помощью деду посчастливилось получить квартиру в преподавательском доме по адресу: Зубовский бульвар, 15. Туда переехали с только что родившейся дочкой Светланой, которой не суждено было долго прожить: в нетопленной квартире она скончалась от дифтерита в младенческом возрасте. В этой квартире родились и двое других детей Бориса Сергеевича и Татьяны Николаевны: дочь Наталья (1921), моя мать, и сын Александр (1924), дома его звали Алик, он не вернулся с войны. Из этой квартиры в 1930 году дед ушел, чтобы отправиться в ссылку. В этой квартире родилась и я. Наша семья прожила в ней до 1962 года. Сейчас в этом доме Литературный музей им. В. Даля. Сотрудники музея бережно сохраняют память об известных ученых – жильцах дома, начиная с академика Вернадского. Там организована постоянная экспозиция: выставлены документы, фотографии, личные вещи. Проводятся тематические вечера. На доме постепенно появляются таблички «Последний адрес» с именами репрессированных ученых, живших в этом доме.

В 1921 году Борис Сергеевич окончил аспирантуру и был зачислен самостоятельным преподавателем на кафедру антропологии 1 МГУ. Параллельно он оформился на педагогический факультет Нижегородского университета и в течение нескольких лет совмещал работу в МГУ и в Нижнем Новгороде в качестве приглашенного профессора, там он тесно сотрудничал с С.И. Архангельским и А.Я. Садовским, консультировал работников Нижегородского исторического музея.

Родители Б.С. Жукова остались в родном городе и терпели всяческие невзгоды. Типография у отца была отобрана. Позже его объявили лишенцем и несколько раз арестовывали. Работал он от случая к случаю на самых мелких должностях, в том числе корректором. Содержание писем Бориса к родителям радикально изменилось. Уже было не до мотоциклов и рецензий на художественную литературу. Вот отрывок из письма от 07.06.1921. В нем Борис Сергеевич сообщает о крестинах дочери Натальи (дома ее звали Тата) и далее пишет: «8 дней я пробыл во Ржеве, устал, т. к. провел 60 лекций. Зато вывез фонд продуктовый. Весь гонорар получил натурой, больше чем на миллион рублей по московским ценам: 3 пуда муки, 18 ф[унтов] сахару, 7 ф. подсолнечного масла, 10 ф. соли, 20 ф. сушеных овощей, 5 ф. мыла и 10 коробок спичек. Вернувшись в Москву, каждое утро встаю рано и отправляюсь на лекции. Сегодня кончил на курсах ликвидаторов безграмотности и, вероятно, 10-го кончится там мой паек. Всю следующую неделю буду читать в Замоскворечье, где курсы заканчиваются 15-го числа. Там платят 10 тысяч за 40 минут лекции.

В Сергиеве [Сергиевом Посаде] буду в ближайшее время также заканчивать курс. У меня там наладилось хорошее дело. Кроме курсов, которые там будут в июле-августе на условиях вроде Ржева, я там имею работу весь будущий год, т. к. Н.Н. Иорданский приглашает меня теперь постоянным «профессором» на условиях ежемесячного приезда один раз на 2 дня с месячным пайком, который идет мне и за лето, паек очень приличный. Вот каким образом (считая еще и Танин паек студенческий) оборачиваюсь без академического пайка. Его, вероятно, удастся получить не раньше осени» (т. е. пайки на основной работе летом не давали и вообще они были весьма скудными – А.С.).

С 1921 г. начинается расцвет педагогиче-

ской и научной деятельности Бориса Сергеевича. Он пользовался огромной популярностью среди студентов, лекции собирали множество слушателей не только на его факультете, но и с других отделений. Помимо преподавания дед параллельно работал в НИИ антропологии МГУ, Государственном музее антропологии, а также в Музее народоведения, где был сначала заведующим отделом, а затем заместителем директора. Основным районом его полевых исследований продолжало оставаться родное Поволжье, затем он распространил свои изыскания на побережье Черного моря. В этот период был опубликован его фундаментальный труд «Происхождение человека», выдержавший до ареста пять изданий (1923–1931), несколько небольших брошюр и ряд статей. Сформировалась его научная школа. Но основные материалы, основанные на многочисленных результатах полевых экспедиций, ждали опубликования, чему, к сожалению, сбыться не удалось.

В мою задачу не входит подробное рассмотрение научной деятельности Бориса Сергеевича. Это задача профессионалов. Хочется только упомянуть, что, будучи действительным членом Международного антропологического института, Б.С. Жуков получил возможность в 1929 году поехать в Берлин на Международный археологический съезд, посвященный 100-летию основания Германского археологического института, где сделал большой доклад и получил одобрение своей деятельности международным сообществом. После Берлина он посетил Париж, Данию, Швецию и Финляндию. С известным финским археологом А.М. Тальгреном он был знаком по переписке, обменивался научными данными. Все это сулило блестящее будущее, но, как оказалось, явилось одной из причин его ареста и ссылки.

А в это время дома росли двое детей, которых он обожал и воспитанию и развитию которых отдавал все свободное время. Дети платили ему тем же (рис. 9, 10). Мама рассказывала, как Борис Сергеевич, который «умел делать все на свете и знал все обо всем», ненавязчиво, по-доброму учил их любить природу, о которой мог рассказывать часами, учил различать растения и составлять гербарии, собирать коллекции бабочек и жуков. В письмах детям того периода, написанных с раскопок, из Москвы в Поволжье, где они отдыха-

Рис. 9. Дети Татьяны Николаевны и Бориса Сергеевича Наталья и Александр

Fig. 9. Tatyana Nikolaevna and Boris Sergeevich's children – Natalya and Aleksander

ли летом, и даже с заграничной конференции он подробно описывал состояние природы в тот сезон и в той местности, где находился. Рассказывал, какие цветы он выращивает в Москве на балконе, в какой последовательности они будут цвести и как за ними надо ухаживать. Из письма с Берлинской конференции: «В Берлине уже нет снега, по дороге я видал цветущую мать-и-мачеху. А сегодня один француз мне рассказывал, что у них уже цветет сирень. В Берлине на улицах продают много цветов, очень красивых». Такие же описания будут и в письмах к детям из ссылки. Летом на Волге обычно снимали помещение в селе Великий Враг рядом с родными Зименками. Выезжали туда большой компанией. Борис Сергеевич присоединялся на некоторое время, когда не был занят раскопками. Учил детей ходить в походы: ставить палатки, разводить костры, ловить рыбу, грести. Дома дети обучались чтению, иностранным языкам, рисованию, пению, игре на фортепиано (дома был рояль, рояль, он сохранился и до моего времени), он сохранился и до моего времени, ходили на занятия в танцевальную группу при Доме Ученых, в котором устраивали концерты. Дед принимал в этом живейшее участие, вникал во все подробности, которые потом описывал в своих письмах к матери в Нижний Новгород. С ранних лет детей приучали к классической музыке, водили в Большой театр на оперы, которые Борис Сергеевич обожал. Жена Татьяна поступила на медицинский факультет МГУ, правда, училась с перерывами, вызванными рождением детей, но окончить его ей было не суждено.

В конце 20-х – начале 30-х годов прошло-

го века произошел новый всплеск классового террора. Начались гонения на интеллигенцию как хранительницу традиционной национальной культуры. Под этот каток попал и Б.С. Жуков. Репрессиям подвергались ученые, сотрудники музеев разной направленности: исторических, краеведческих, художественных. Их обвиняли в саботаже, стремлении сохранить никому не нужные артефакты, прославляющие достижения уничтоженного государственного строя, в противодействии разрушению памятников старины, продаже музейных ценностей за рубеж. Не избежал общей участи и Борис Сергеевич. В это время в отечественном краеведении шла борьба между группами ученых, относившихся к старой школе, выступавших за сохранение достижений предыдущих поколений и бережное отношение к историческому наследию, и рядом молодых сотрудников, пробивавших себе продвижение в карьере путем обвинения старших товарищей в антисоветских настроениях, считавших необходимым создать на месте профессионального краеведения новые структуры на основе деятельности местных кружков молодых краеведов, исповедовавших классовый подход к исследованию проблем происхождения и развития человека. Было создано Общество краеведов-марксистов, противостояние которого со старыми краеведами, группировавшимися вокруг Центрального бюро краеведения, становилось неизбежным.

Рис. 10. Мать Б.С. Жукова с внуками (1937)

Fig. 10. B.S. Zhukov's mother with her grandchildren (1937)

Естественно, Б.С. Жуков не мог оставаться в стороне от этого процесса. Как мог он противостоял превращению академической науки в самодеятельные кружки по интересам. В письме от 08.02.1929 он пишет родителям: «Пришлось в прошлый четверг давать бой в одном заседании по линии археологии. Это – первое выступление, за которым должны последовать непрерывные бои в течение ближайшего года...».

Это не прошло ему даром. 7 сентября 1930 г. Борис Сергеевич был арестован по стандартному обвинению – «участие в контрреволюционной организации» (статья 58.10). Непосредственной причиной ареста был донос С.П. Толстова – одного из его любимых и наиболее перспективных учеников, расчищавшего себе путь наверх по карьерной лестнице. Я могу с полным основанием это утверждать, прочитав в 2017 г. в архиве ФСБ следственное дело Б.С. Жукова, которое незадолго до этого было рассекречено. Поездка за рубеж и контакты с иностранными учеными также сыграли свою отрицательную роль.

В своих показаниях на допросе в качестве свидетеля от 19 октября 1930 г. С.П. Толстов отмечает, что «краеведческая сеть представляет собой компактную, в массе своей антисоветски настроенную массу. Состав краеведческих организаций сложился из представителей прежних (дореволюционных) краеведческих обществ, объединявших либо эсеровски настроенную интеллигенцию, либо просто черносотенные элементы... Вся эта масса имела прочную организационную связь...».

Все обвинения, выдвинутые против него, Б.С. Жуков отрицал. 12 ноября последовало временное освобождение под надзор, но следствие было продолжено, и 28 апреля 1931 г. последовал второй арест. В постановлении говорится, что «гр. Жуков в достаточной степени изобличен как участник контрреволюционной организации и использовал это время (между арестами – А.С.) для предупреждения ее членов о надвигающихся арестах». Борис Сергеевич был заключен под стражу. Период тюремного заключения во время следствия он провел в Бутырской тюрьме. Постановлением от 23 августа 1931 г. Б.С. Жуков, а также Н.А. Дорогутин и С.П. Григоров были осуждены к трем годам заключения в концлагере. В резолютивной части говорится, что они,

«враждебно относясь к Советской власти, являлись руководителями контрреволюционной работы в музеях и краеведческих организациях, вели работу во вред социалистическому строительству, сконцентрировали вокруг себя реакционно настроенный элемент, т. е. виновны в преступлении, предусмотренном ст. 58.10 УК».

Борис Сергеевич был сослан в Алтайский край. В первом письме по прибытии на место (15.11.1931) он сообщает свой адрес: Верхнеобское отделение Сиблага ОГПУ, Боровлянская группа. Село Боровлянка находится недалеко от Бийска. Вот где пригодились деду его фельдшерские навыки, полученные во время работы в лазарете во время Первой мировой войны! По причине тотального дефицита медицинских кадров его назначили на должность «лекпома». В ней он пребывал фактически все время. В этом же письме он просит срочно достать и прислать ему пособия по фельдшерской работе. Настроен достаточно позитивно. Вот несколько строк: «Здесь предгорья Алтая, очень большие лесные массивы сосны, всхолмленный ландшафт. Настроение хорошее благодаря сознанию, что я могу плодотворно применять свою специальность и приносить максимум пользы... Надеюсь в ближайшее время восстановить мои физические силы (после длительных пересылок – А.С.)».

А в Москве наступила тяжелая жизнь для семьи. Университет Татьяне Николаевне пришлось оставить. Надо было кормить детей. Из Нижнего Новгорода приехала свекровь смотреть за ребятами. Из уважаемой дамы-патронессы она превратилась в жену лишенца: мужа несколько раз арестовывали и в результате выслали в Саратов, где он и скончался в 1932 году. Бабушке, не имевшей диплома, пришлось работать за крошечную зарплату в нескольких местах: лаборантом, медсестрой, делать уколы на дому. Чуть не отобрали квартиру, обошлось уплотнением.

Потянулись долгие дни и месяцы разлуки. Письма из лагеря приходили часто, не всё в них понятно, т. к. частично они написаны эзоповым языком. Борис Сергеевич подробно описывал свою работу, окружение, интересовался мельчайшими подробностями жизни семьи. Переживал, что ему присылают посылки с едой, отрывая от себя: он прекрасно понимал, чего это стоило. О своих проблемах с питанием писал вскользь, иногда лишь упоми-

ная, что в связи с необходимостью приобретения картошки «избавился от пиджака», что по вечерам сам готовит себе еду из собранных грибов или пойманных карасей, что было возможно только в определенный сезон, что с питанием становится все хуже, но присылать просил только сухари. В письмах, особенно к детям, он красочно описывает сибирскую природу, растения, насекомых, смену времен года. Писал и о том, что его, как образованного человека, стараются использовать, помимо лечебных дел нагружая составлением отчетов по больнице и различных бухгалтерских документов. Но при этом в немногие свободные часы он развивал бурную деятельность. Невроятно собранный, волевой и целеустремленный человек, он быстро организовал вокруг себя школу, хор и театр, как в юности, ставил пьесы и играл в них. Классические пьесы (Чехов, Островский) разрешали ставить при условии постановки сначала революционной пьесы («Любовь Яровая», «Оптимистическая трагедия»). В клубе появилось плохонькое пианино: «Ты не можешь себе представить, с каким пылом и наслаждением я играю сейчас Вторую сонату Бетховена», – пишет он жене незадолго до смерти.

В своих письмах Борис Сергеевич просит подробнейшим образом сообщать ему об успехах детей в школе, особенно сына, которого приняли сразу во 2-й класс, сетует, что уже выпадает из жизни ребенка, и мальчик живет своей жизнью помимо него. В письме от 23.03.1932 просит жену узнать подробности о съезде по изучению четвертичного периода, жалеет, что она, скорее всего, не смогла лично послушать интересные доклады, чтобы поделиться с ним информацией.

Один раз, летом 1932 года, несмотря на невероятные финансовые и технические труд-

ности, бабушке с мамой удалось навестить деда в ссылке. Он был счастлив увидеть своих любимых, но в то же время поражен и огорчен тем, как была истощена и измучена Татьяна Николаевна. В письмах после этой встречи он снова неоднократно просит не посылать ему ничего из продуктов, кроме сухарей. В начале 1933 г. стали обсуждаться планы жизни после возможного освобождения осенью. Было ясно, что в Москве жить не разрешат. Обсуждались варианты переезда на юг России поближе к морю или куда-либо на просторы Сибири, где жизнь подешевле и можно было бы найти работу. Однако этому не суждено было сбыться. В мае 1933 г. Борис Сергеевич простудился, заболел пневмонией, вылечить которую в лагерных условиях было невозможно, и, проболев несколько дней, скончался. При нем неотлучно находился врач, у которого он работал помощником. Этот доктор прислал бабушке подробное профессиональное описание последних часов деда, к которому относился с огромным уважением.

Когда наступила «оттепель», бабушка подала прошение о реабилитации (1958 г.). Дело было пересмотрено. Лица, составлявшие доносы, были передопрошены и фактически отреклись от своих показаний. Деда реабилитировали, однако дело было рассекречено, как уже упоминалось, только в 2017 г., когда я смогла его прочитать. Бабушка больше замуж не выходила, свято храня верность Борису Сергеевичу. Дочь Наталья (моя мама) собиралась по стопам отца поступать на биологический факультет МГУ, но ее не приняли как дочь репрессированного. Она закончила Институт иностранных языков (в студенческие годы была на фронте в качестве военного переводчика) и всю жизнь проработала в Ин`язе, была заведующей кафедрой французского языка.

Информация об авторе:

Сергиевская Александра Петровна (р. 1.12.1946, Москва), внучка Б.С. Жукова. В 1970 г. окончила Московский педагогический институт иностранных языков им. М. Тореза, где потом почти 20 лет преподавала на переводческом факультете. С 1988 г. работала в системе МИД, в течение 15 лет заведующая кафедрой иностранных языков колледжа МИД РФ. Хранитель семейного архива Башкировых–Жуковых. Автор публикаций о роде нижегородских купцов и промышленников Башкировых и о своем деде – Борисе Сергеевиче Жукове.

sasha.sergievskaia@yandex.ru

About the Author:

Sergievskaia Aleksandra P. Moscow, Russian Federation; sasha.sergievskaia@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2023 г.
Статья принята к публикации 01.06.2023 г.